

МДАМОВА.
Ферганского
завода.

Сорок восьмое заседание военно-патриотического клуба «Подвиг» посвящается Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

ДОРОГИ И ДУМЫ ОДНИ

КАЗАЛОСЬ, весь Самарканд в этот морозный день выпал на улицу. Строем с песнями шли солдаты. Шли к обелиску павшим в годы Великой Отечественной войны, шли отдать почести героям-фронтовикам и у Вечного огня поклониться умножить боевые традиции.

На улицах Самарканды стояли люди, любящие выправкой солдат. Женщины урядкой смахивали слезу, но в глазах их светилась гордость за таких вот лавровых, стальных защитников Отчизны.

Днем познее мне довелось встретиться еще с одним проявлением любви к армии, гордости за нее. На фронтовых зданиях алели красные звезды. Оказывалось, такие следы отмечают так дома, в которых живут фронтовики, чтобы люди знали о ветеранах, были внимательны к тем, кто, живя не павши, сражался за их свободу и счастье.

Народ и армия едины. Привычные слова. Но хочется найти самые точные, самые верные выражения, чтобы отнестись к ним с уважением, к которым, словно о цитате Фараха, развилось несметное количество врагов, союз, порожденный нашим общественным строем. У войны нет иных задач, кроме защиты интересов народа. Народ и

армия в годину лихолетья всегда становятся единым боевым лагерем. Так было в гражданскую войну, так было и в Великую Отечественную.

Теперь не надо бояться человека с ружьем. В этих мудрых словах о красноармейцах, сказанных простой крестьянкой, Владимир Ильич Ленин увидел знамение времени. Армия, веками служившая орудием угнетения, стала в пролетарском государстве защитницей свободы и счастья людей. Плоть от плоти, кровь от крови народа, она черпала и черпает силы в его толще. Царизм не доверял народам Средней Азии, не признавал в армиях таджиков, узбеков, туркмен. Одним из первых постановлений Совета Труда и Обороны, принятых по указанию В. И. Ленина, было постановление о призыве в Красную Армию трудящихся нерусских национальностей на общих основаниях. И вчерашние деханы, которые раньше гнали лишь на окопные работы, показали, как они умеют защищать родное им государство.

Есть на сталинградской земле высота имени Одинадцати героев Востока. Среди тех, кто пал в боях за эту высоту, было девять узбеков. Фашистов удивило упорство бойцов, они пытались объяснить героям наших людей тем, что советский человек не дорожит своей жизнью в силу низкого уровня развития. Но если бы эти «сверхчеловеки» лучше изучали историю, то они бы знали, что именно Советская власть подняла все народы страны до невиданных культурных высот, величия и красоты духа. Великие цели, великий смысл жизни двигали и двигают нашими людьми.

Они бы знали, что в одном из первых своих приказов командующий Туркестанским фронтом прославленный пролетарский полководец М. В. Фрунзе писал: «...Требуя, чтобы каждый своим действием, каждым поступком как отдельный красноармеец, так и целые части внушали населению любовь и доверие к Красной Армии».

Приказ был по армии, но на этой дехане мог оставаться равнодушным и кызыл аскером, когда те не только изгнали баев, но и расчищали армян для поля, заготавливали дрова для больницы и школ, просвещали население. И от кишлака к кишлаку летела молва: «Теперь не надо бояться человека с ружьем».

Служба в армии стала гордостью, священной обязанностью. И те одиннадцать героев, обессмертившие своим упорством высоту, впитали эту истину с молоком матерей.

«У тебя есть своя семья. У тебя есть великий дом, именуемый — Советский Союз. Будь же лучшим из сыновей своей семьи и лучшим передовым бойцом в рядах советских народов».

Такой наказ давал узбекский народ своим сынам-фронтовикам в годы минувшей войны. Почти для каждого из миллиона человек подписали письмо. Какие богатыри не станут еще сильнее от такой моральной поддержки!

А помощь была и материальная. Фронт не испытывал недостатка ни в вооружении, ни в продовольствии, ни в обмундировании. Все для фронта, все для победы — этот призыв партии горел огнем в сердце каждого советского патриота.

Тысячи и тысячи героев выявились на фронтах и в тылу в дни той смертельной схватки с вандалами XX века. Не все вернулись с поля боя. И люди помнят о них, свою любовь к советскому солдату выражают цветами и обелисками.

Сегодня, как и три, как и десять дней, и полгода назад,

колышет легкий ветерок Вечный огонь славы в сквере у памятника героям революции и войны.

Гордость за своих доблестных сыновей, за армию, словно эстафета, передается из поколения в поколение.

Пятюро сыновей у Намурата Клычева из поселка Шоркуль Бухарской области. Четверг он провозжал в армию и давал наказ служить Родине верой и правдой. Выполнили волю отца Ташмурат, Наркул, Старших, сменил Пардакул, за ним — Жаулайбай. Служат они отменно. Не нарядуются командирами. Готовятся к службе в армии Кунтаби.

Спокойные рабочие у станка, хлопков в поле, потому что их сыновья неунышно несут свою многотрудную службу. Сегодня, в славный праздник Советской Армии и народа, как и всегда, дозором идут пограничники. Все так же бесшумно вращаются антенны локаторов, зорким глазом всматриваясь в небо. А за экранами индикаторов на одной из точек следят Бахтияр Махсудович и Николай Тюнинич и Владимир Волкович. И таких точек у нас много, ровно столько, сколько надо для охраны воздушных просторов Отчизны.

А праздник свой они отмечают. Вернее, празднуют и сегодня, отмечают тем, что служат отлично, несут боевое дежурство безупречно. Их сердца и помыслы настроены в унисон с сердцами и помыслами миллионов советских людей. Такое единство — непоколебимо!

Подполковник А. РОГАЧ.

В НЕУСЫПНОМ ДОЗОРЕ

Сын пришел на смену отцу, сын продолжает традиции ветеранов.

Я ЗНАЮ, сегодня отец надеет праздничный костюм и все боевые награды. Засверкают на груди орден Ленина, два ордена Красной Звезды и Отечественной войны, медали. Они, как вехи, обозначают путь фронтовика. В свое время эти награды манили меня только блеском, я не задумывался над тем, какой ценой они достались, какой подвиг совершен отцом. Поимание пришло позже.

Нет, не дослужился мой отец до больших чинов. Войну закончил старшим лейтенантом. Командиром роты. Но его награды говорят сами за себя: тем, кто в обзоре, их не дают.

Мать отговаривала меня поступать в училище. «Видишь, отец израненный, фронтовые рубцы и сейчас покоя не дают», — говорила она. А отец, наоборот, поощлял мое намерение: «Правильно делаешь, сын. Идти служить, да так, чтобы спокойно советские люди трудились».

И я поступил в Ташкентское общевойсковое команд-

ное училище. Теперь, по прошествии почти трех лет, скажу: не раскаиваюсь.

Есть много прекрасных и интересных профессий в нашей стране. Дорога к любой из них открыта. Но служба профессионального военного мне кажется самой лучшей и благородной. Что может быть почетнее находиться на переднем крае защиты Отчизны!

Слов нет, быти постоянно в дозоре — дело нелегкое: тревоги, походы, ночи бессонные. Но разве не с кого брать нам пример стойкости? Разве деды и отцы наши не передали нам эстафету верности партии и народу!

Строители нефтепровода в Сибирь, Тахияташского гидроузла, хлопководы и нефтяники, миллионы советских людей сегодня на переднем крае борьбы за коммунизм. И мы — тоже. Радостен созидательный труд советского народа. Он спокоен за свое дело, он прикрыт надежным щитом. В неусыпном дозоре войны Страны Советов.

Курсант И. ВАХРИН.

В войсках Краснознаменного Туркестанского военного округа много солдат и сержантов — отличников боевой и политической подготовки. Среди них — механик-водитель 2-го класса комсомолец рядовой Владимир Барт.

Фото А. АСАНОВА.

СТРОКИ О МУЖЕСТВЕ

Один эпизод великой битвы под Москвой, в котором проявил себя и наш земляк.

В ПОЛУКИЛОМЕТРЕ западнее деревни Хлуднево Калужской области воздвигнут величественный монумент боевой славы. На гранитной плите высечена эмблема чекистов — щит и меч. Справа — надпись: «Пройдут года, разрушенная немцами деревня залечит свои раны, кровавые следы немецких захватчиков будут стерты, а память о героических лыжниках сохранится навеки».

На памятнике имена двадцати двух героев-чекистов. Кто они? Какой подвиг совершили? Январь 1942 года. На одном из участков Западного фронта сложилась острая обстановка. Гитлеровцы рвались на помощь своим частям, окруженным в городе Сухиникин. Командование 10-й армии поставило перед отрядом старшего лейтенанта К. Лазарева боевую задачу: перейти линию фронта, стремительным ударом захватить деревню Хлуднево, перерезать дорогу и не дать возможности фашистам соединиться с гарнизоном города Сухиникин.

Темной ночью нехорошими тропами отряд скрытно проник в тыл врага. Лыжники в белых маскировочных халатах бесшумно подошли к деревне. Лазарев послал разведчиков высмотреть, в каких домах расположились фашисты. Группа комиссара М. Егорцева, в которой находились и подполковник Павел Бочаров, Долбин был уничтожить орудия и минометы. Вскоре разведчики возвратились и доложили, что в деревне находится около батальона гитлеровцев.

В час ночи раздался взрыв: Павел выполнил задание. «Белые призраки» ворвались в деревню. В окна домов полетели гранаты. В панике выскакивали на улицу босые, раздетые гитлеровцы и тут же падали, скошенные огнем. За первые две часа лыжники истребили свыше 70 оккупантов.

Гулкие раскаты ночных взрывов разбудили командента бронекорпуса Полуодетый, он выскочил на улицу, сел в танк и стал руководить боем. Уцелевшие фашисты открыли огонь. Был ранен Лазарев.

Казалось, что победа совсем близка, но фашисты спешно перебросили в Хлуднево подкрепление, начали окружать деревню.

Обстановка осложнялась. Был ранен Лазарев, но продолжал руководить боем. Осложнялись разрывавшиеся снаряды были ранены сержант Круляков, автоматчик Ануфриев, подполковник Бочаров.

Комиссар отряда Егорцев подполковник А. Круляков, смелого и ловкого разведчика, которого все любовно называли парнем из Узбекистана, поскольку он жил в Хавасте, недалеко от Ташкента: — Любимый ценой вынеси командира с поля боя!

Сержант, с тем истекшей кровью, звал на спину Лазарева и медленно полз к оврагу. На помощь ему пришел боец Е. Ануфриев. С трудом по оврагу добрались они до леса.

А отряд продолжал сражаться. Командование принял комиссар отряда Егорцев.

В. МАТВЕЕВ

СОЛДАТЫ РОДИНЫ

Смотрят солдаты в оба, Отчизну храня. Нынче — свою. Завтра — отличник в учебе, герой в бою. Людям высокой пробы, Они — впереди всегда: отличник учебы, Завтра — герой труда.

ПРАПОРЩИК

О таких, как он, говорят: за ним в огонь и в воду.

В АРМЕЙСКОЙ дельце слово «командир» тождественно слову «отец». Командиром войны учатся беззаветно любить Отчизну, защищать родную землю.

Один из тех, кто передает солдатам и сержантам свое мастерство, знания, кто воспитывает у них мужество, отвагу и дерзость в бою, — прапорщик Илья Полихранин.

Подразделение, в котором он служит, одно из лучших. Живут войны дружной, спаянной семьей. Семья эта многонациональна. В одном отделении, к примеру, служил узбек Абдуалимов, русский Петелин, литовец Мухомас. Они — закаленные друзья, за славнейшие юности, срок доблестно высоких показателей в ратном труде, стали отличниками. Всех троих отличает большая тяга к знаниям, постоянная неудовлетворенность достигнутым. И в этом им показывает пример командир. Прапорщик Полихранин в то же время студент-заочник третьего курса института.

Комсомолец Марибжан Ахмедов по национальности узбек. До службы в армии он жил и работал в поселке Кургантепа Английской области. Земляки могут гордиться: ему присвоено звание младший сержант. Сейчас Ахмедов уже сам наставник молодых солдат.

В подразделении по Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота много теп-

лых слов было сказано и в адрес рядового Мансура Айдера. Война овладела душой сменными специальностями, стал отличником. Командир доверяет ему проводить занятия с молодыми солдатами по основам радио- и электротехники. Знания в этой области Айдера приобрел еще до призыва на службу.

Многим обязан прапорщик Полихранин еще одним посланцем солнечного Узбекистана ефрейтор Балтабаев. На первых порах этого война служба шла не так гладко, как хотелось бы: робок был, неуверен в собственных силах, и командир был особенно внимателен, проявлял большую заботу о воине. Моральная поддержка, практическая помощь принесли хорошие плоды. Сейчас Балтабаев один из лучших специалистов подразделения.

Вся жизнь И. Полихранина связана со Средней Азией. Здесь он родился и вырос, окончил школу, здесь же выпала ему и честь служить в рядах Советской Армии. В числе первых в нашем военном округе Полихранин был присвоен звание прапорщика. Умелый воспитатель, в совершенстве освоивший свою специальность, Полихранин снискал уважение сослуживцев.

— За таким командиром, — говорят войны, — мы готовы в огонь и в воду.

Капитан В. СОЛОВЬЕВ.

Б. ПАРМУЗИН

ПАМЯТЬ

из ПУТЕВОГО БЛОКНОТА

КИСТЬ ВІНОГРАДА

ОН ОЖИДАЛ шумных возгласов. Но мы не стали кривить душой. Только ради приличия сдержанно похвалили винограду.

— Знаменитые бадачонские сорта, — отрекомендовал наш друг. — Тихан!

Яркий, красочный полуостров врезается в Балатон. На пригорках, покрытых обломками базальтовых пород, раскинулись большие виноградники.

В Тихани производятся лучшие сорта вина. Мы молча кивнули, соглашаясь и с этой рекомендацией.

Наконец, Ласло рассмеялся и махнул рукой. — Ну, хватит. Вас ничем не удивишь...

— А Балатон! — воскликнули мы.

— Вы правы. Видно, что Балатон вам нравится. — Помолчал, Ласло с гордостью добавил: — Еще бы!

Сегодня Балатон был спокоен. Он будто грелся на солнце, стараясь расправить свои морщинки. Только у берега ватага ребят шлепала руками по воде. И тысячи брызг поднимались вверх. А далеко-далеко белели перуся. Яхты, казалось, не скользили по озеру, а тоже замерли, греясь под осенними лучами. И озеро, и яхты, и люди прощались с солнцем, с летом.

Взглянув на наши лица, Ласло удовлетворенно произнес: — Нравится!

— Конечно, — согласились мы.

— Совсем по-другому заговорили, — обрадовался Ласло. — А виноград хвалили для приличия... Чтобы не обидеть меня. Понимаю.

Пришлось согласиться и пригласить Ласло в Узбекистан.

— Вам, виноградарю, стоило бы у нас побывать... Много интересного.

Ласло засмеялся: — Знаю, знаю, что скажете. Сорта «нимранг», «тайфи розовый», «чарас», «катакурган», «хусайне»... Самые лучшие... Довольный произведенным эффектом, Ласло неожиданно предложил:

— Хватит о винограде... Давайте купаться. К вечеру у Балатона может испортиться настроение. А мы вечером... — и он заговорчески подмигнул.

Что он еще приготовил? В популярной харчевне «Баричари» народ мы сидели за дубовым столиком, едва касаясь холодных, словно в пещере, стен. С холма «Крестный ход» любовались старинным храмом. Были в пещерах, бродили по пристани. Но Ласло нашел, чем еще удивить. Он преподнес нам кисть винограда:

— Пробуйте...

Мы осторожно брали лютые, продолговатые ягоды.

— Ну как? — торжествовал Ласло. — Знаком?

— Да...

— А вы еще приглашаете: приезжайте, приезжайте... Раньше вас пригласили.

— Когда?

— Когда?

— Когда?

— Давно пригласили. Еще во время войны... Вернее, в конце войны. У нас жили солдаты. Вот один и пригласил.

— Да... Но вы же были...

— Правильно, — согласился Ласло. — Вот такой... Он протянул руку к земле. — Очень маленький. Солдат не меня приглашал. Отца...

— Дальше?

— Дальше все очень просто... Отец не сумел поехать. А я был... Три года тому назад. В Фергане виноградники высокие. Близки к солнцу. Там другие сорта, у нас другие. Я решил и те ферганские вырастить. Пока немного... Ласло посмотрел на кисть винограда. — Тот солдат, наш товарищ, большой мастер. В прошлом году приезжал в Тихань. Ходил, не узнавал Балатона. И целый день на виноградниках пропадал. А приехал отидать...

Темнело... Ласло предложил подняться выше...

— Оттуда видно, как в Балатон падают звезды. Только там можно стоять тихо, молча... И он приложил палец к губам.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

г. Вудапешт.

Годовщина войны

КОПЕНГАГЕН привлек к дождям, и влажным туманом, к морским ветрам. Бронзовые шпильки старинных зданий, памятники королям, знаменитая русалка покрыты налетом окиси.

Древняя зеленеловатая бронза. К ней, как к седому, относятся с нескрываемым почтением.

Только один памятник выделяется в Копенгагене своей простотой — броневик. Из грубого металла, с десятками царапин, он отдал, будто скромный солдат, расположившись рядом с шумной улицей.

Мы заинтересовались маркой броневика. Но на наш вопрос переводчица пожала плечами: — Его строили тайно. Так сказать, самодельный броневик. И вряд ли он воевал.

Старая женщина не любит вспоминать войну. У нас совершенно разное мнение о гитлеровцах. В первый день знакомства она спокойно сообщила: — Для нас оккупация ничего плохого не принесла. Немцы скупировали Данию за четыре часа, и сразу жизнь вошла...

Переводчица постаралась улыбнуться и с акцентом по слогам завершить фразу: — Вошла... в ко-ле-ю.

Мы с недоумением смотрели на эту женщину. Конечно, мы знали, что Сопротивление «Борющиеся Дания» начало действовать не сразу, не с первых дней войны. Но Сопротивление шло, росло, росло. Еще в 1941 году в Копенгагене прошли крупные демонстрации протеста против присоединения Дании к антикоммунистическому пакту, начались акты саботажа, стали выходить подпольные газеты.

На следующий год создается диверсионная организация «Коп» — «Коммунисты-партизаны».

Нет, наша переводчица не хочет об этом вспоминать. Ее нагнетанная веселость прошла. Она очень быстро поняла, что переиграла папку, и постаралась исправить положение: — Разве, в нашей маленькой стране можно было бороться против многочисленной армии? Каждый человек у нас на виду...

— Но ведь люди смогли тайно построить даже броневик...

На эту реплику переводчица не обратила внимания и, взглянув на часы, затаропилась: — Ой, опаздываем...

Вечером мы пришли к броневику. Мы не надеялись, что этот молчаливый свидетель коротких боев сможет напомнить о минувших днях. Днем мы заметили: у скромного памятника не очень часто останавливались прохожие. Местные жители привыкли к достопримечательностям своего города. А туристы мечутся от музея к музею, любят заглянуть в портовые улочки, заполненные хриповатыми песнями.

И вечером у броневика было тихо. Только пожилой угрюмый человек, прислонившись к дереву, скрестив на груди руки, молча смотрел на потемневший металл.

Мы вступили делились впечатлениями. Человек вздрогнул и внимательно оглядел нас. Потом нерешительно шагнул вперед.

— Русские! Россия!

Мы утвердительно кивнули. Не обращая внимания на холодную остроту, датчанин протянул руку. Ладонь у него была широкой, крепкой.

— Я моряк. Был моряком... представился он. — Я плавал двадцать лет. Везде был. Ленинград, Выборг. Какие города! Говорил он отрывисто, стараясь поспеть фразу из двух-трех слов.

Я кивнул на броневик: — Ваш! — Мои товарищи строили. Их нет. Погибли. — Они воевали против фашистов? — Конечно! — твердо сказал он. — Я их хорошо знал. Я принес им нашу газету... Там была новость о Выборге.

Следует сказать, что тирин негалагических газет в Дании рос стремительно. Если в 1942 году выходило 300 тысяч экземпляров, то в 1943 году — значительно больше...

Наш новый знакомый в июне 1944 года принес одну из газет группе рабочих завода автоматического оружия. В газете было сообщение о том, что советские войска 20 июня освободили Выборг. Моряк рассказывал рабочим о потопленном корабле, о его людях.

Через два дня рабочие завода по-своему отметили годовщину войны. 22 июня 1944 года этот завод автоматического оружия, который считался важным объектом, взлетел на воздух.

...К моряку подошел еще один человек, за ним — третий. Они обнимались крепко, по-мужски. Моряк представил нам своих товарищей, ветеранов Сопротивления.

В этот вечер мы поняли, что значат скромный памятник — самодельный броневик, покрытый царапинами, словно шрамами.

г. Копенгаген.

3 ПРАВДА Востока

стр.

23 ФЕВРАЛЯ 1972 г.

